

ОКО ГОСУДАРЕВО

ПЕРВЫЙ ТОМ

Части 1 – 2
Падение · Архив

ДИЛОГИЯ / ТРИЛОГИЯ

КНИГА 1

Алтай Алтаевич Око Государево

<https://litres.ru/74571707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кира Даниловна Волкова — дочь коменданта пограничного Острога, архивистка и Пустая, человек без способности управлять дух-паром. В мире, где сила определяет положение в обществе, её удел — старые свитки, забытые рукописи и чужие тайны. Но всё меняется, когда Кира сталкивается с упоминаниями древнего артефакта — Ока Государева, способного показать мир таким, каким он был задуман.

Содержание

Главы 1 - 5	4
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Алтай Алтаевич Око Государево

Главы 1 - 5

Часть 1. Падение

Глава 1. Свиток об Оке Государевом

Чернила застывали на пергаменте медленно, будто не хотели ложиться.

Кира вела кистью ровно, почти не нажимая. Тонкие буквы повторяли старый почерк настолько точно, что с первого взгляда их можно было принять за работу прежнего архивариуса — ещё тех времён, когда у старика не дрожали руки.

Перед ней лежал свиток об Оке Государевом.

Вернее, один из списков того, что когда-то писали об Оке.

Пергамент пережил не одно столетие. Края почернели от огня, середина пошла бурыми пятнами, несколько строк расплылись от воды. Но большая часть текста уцелела.

Кира знала её наизусть.

«...и когда боги умерли, их глаза остались. Не глаза плоти, но глаза памяти. И тот, кто смотрит в них, видит мир не таким, каков он есть, но таким, каким он был задуман...»

Она закончила строку и сравнила её с оригиналом.

Одна буква вышла чуть шире.

Кира нахмурилась.

Макнула кисть в чернила и переписала строку снова.

Пятый раз.

За высоким окном архива гудел пар.

Острог стоял почти у самой границы с Британской Конфедерацией, и здесь дух-пар был повсюду. Он шёл по трубам, приводил в движение машины, питал механизмы крепости. Даже воздух казался плотнее обычного — пропитанным угольной гарью, горячим железом и влажным паром.

Внизу, у западной стены, работали паровые пушки. Поршни мерно били внутри бронированных кожухов, клапаны шипели, и время от времени над бастионом поднималось белое облако.

Часовые даже не поворачивали головы.

Кира тоже давно перестала замечать этот шум.

Она выросла в Остроге и могла пройти от архива до комендантской башни с закрытыми глазами. Знала, какая ступень на северной лестнице проседает под ногой. Где зимой первой появляется наледь. В котором окне караульной по ночам горит свет, потому что старый Федька боится темноты.

Знала, что штабс-капитан Игнатий Ремезов, начальник западного бастиона, каждое утро лично обходил паровые батареи и ругался на механиков так громко, что его слышали в архиве.

Знала даже, почему в подвале архива лучше не оставлять хлеб — мыши добирались до него быстрее людей.

Она знала крепость почти целиком.

Но домом её не считала.

Дом — это место, где тебя ждут.

В Остроге её скорее принимали как неизбежную часть обстановки: дочь коменданта, тихая девушка из архива, которая никому не мешает.

И которая не способна культивировать.

Пустая.

Это слово редко произносили ей в лицо.

Не было нужды.

Достаточно было короткого взгляда, которым люди встречали её на тренировочных дворах. Жалости женщин. Неловкого молчания мужчин. Детского любопытства тех, кто ещё не научился притворяться воспитанным.

В девятнадцать лет Кира уже умела не замечать такие взгляды.

Почти.

Она размяла затёкшие пальцы. Чернила въелись в кожу у ногтей, и отмыть их сегодня уже не получится.

Последняя строка оставалась незаконченной.

Кира знала её.

И всё же не спешила писать.

«...истина — это не ответ. Истина — это вопрос, на который нельзя ответить».

Она смотрела на слова, пытаясь найти в них то, чего не замечала прежде.

Не находила.

Как вопрос может быть истиной?

Разве истина не должна заканчивать спор, а не начинать
новый?

Кира потянулась к кисти.

Дверь за её спиной скрипнула.

— Ты всё ещё здесь?

Она узнала голос раньше, чем обернулась.

— Ещё пара страниц. И закончу.

Тяжёлые шаги прошли по деревянному полу.

В архиве Острога скрипело всё: половицы, двери, стеллажи. Иногда Кире казалось, что здание не разваливается только потому, что слишком старо и уже забыло, как это делается.

Данила Петрович остановился рядом с её столом.

От него пахло кожей, оружейным маслом и холодным железом.

Отец всегда пах войной.

Даже в мирные дни.

— Ты пропустила ужин.

— Я не голодна.

— Ты всегда не голодна, когда работаешь.

Уголок её рта дрогнул.

Они вели этот разговор много лет.

Когда Кира была маленькой, отец после этих слов обычно садился рядом и начинал рассказывать что-нибудь из служ-

бы. Никогда — о погибших. Никогда — о том, что действительно происходило на поле боя.

Только о смешном.

О молодом офицере, который свалился с коня прямо перед строем.

О поваре, перепутавшем мешки и едва не добавившем порох вместо соли.

О том, как сам Данила проходил половину дня с комком каши, прилипшим к шлему, а солдаты предпочитали молчать, потому что никто не хотел первым сказать об этом коменданту.

Кира любила эти истории.

В них существовал другой мир — огромный, шумный, полный дорог и людей, которых она никогда не видела.

— Что сегодня? — спросил Данила.

Кира подвинула свиток так, чтобы ему было видно заглавие.

— Око Государево.

Отец помолчал.

— Опять?

— Это другой список.

— Ты говорила то же самое в прошлом месяце.

— Потому что в прошлом месяце был другой список.

Данила хмыкнул.

Кира указала кончиком кисти на нижнюю часть свитка.

— Здесь есть фрагмент, которого не было раньше. О том,

как артефакт выбирает носителя.

Отец посмотрел сначала на текст, потом на неё.

Кира знала этот взгляд.

Сейчас последует разговор, который они оба давно выучили.

— Ты не можешь культивировать.

Вот и он.

— Знаю.

— И, скорее всего, никогда не сможешь.

Кира положила кисть.

— Я не пытаюсь культивировать.

— Тогда зачем тебе это?

— Я пытаюсь понять.

Данила чуть нахмурился.

— Что именно?

Кира снова посмотрела на древний пергамент.

— Почему боги умерли.

Она провела пальцем над строками, не касаясь их.

— И что после них осталось.

Отец ничего не ответил.

Кира подняла взгляд.

Данила Петрович Волков был человеком, которого трудно было не заметить: высокий, широкоплечий, с руками, слишком большими для архивных столов. В русых волосах давно появилась седина, лицо прорезали морщины, а через левую бровь тянулся старый шрам.

Ему было сто двадцать.

Для обычного человека — невозможный возраст.

Для Плетущего — ещё не старость.

Но отец выглядел старше своих лет.

Некоторые вещи отнимают время быстрее, чем оно успевает пройти.

Война была одной из них.

Данила смотрел на дочь долго. Без той осторожной жалости, которую она привыкла видеть у других.

Только устало.

И, кажется, с гордостью.

— Ты странная, — сказал он наконец. — Вся в мать.

Кира улыбнулась.

Из всех похвал эта была единственной, которая действительно что-то для неё значила.

Мать она помнила кусками.

Тёплые руки, всегда немного пахнувшие тестом и травами.

Шерстяную шаль.

Тихое пение из кухни.

Голос — низкий, спокойный, такой, будто любой страх можно прогнать несколькими простыми словами.

Лицо вспоминалось хуже. Стоило попытаться представить его целиком, и черты расплывались.

Кире было пять, когда мать заболела.

Никакой войны. Никакого покушения. Никакой великой

трагедии, о которой потом пишут в книгах.

Она просто угасла за несколько недель.

После похорон отец три дня не выходил из комнаты.

Когда вышел, у него поседели виски.

Больше он не женился.

И почти никогда не говорил о Марии Сергеевне первым.

— Родион вернётся через месяц, — сказал Данила.

Кира моргнула.

Отец умел менять тему с изяществом падающего шкафа.

— Я знаю.

— Его произвели в офицеры Корпуса Императорских Механиков.

— Он написал.

— Мне тоже.

Кира отвела взгляд к свитку.

Родион.

Когда-то он гонял мальчишек, называвших её Пустой. Несколько раз возвращался домой с разбитыми костяшками и каждый раз уверял отца, что «упал».

Он первым научил её складывать буквы.

Потом показал, как читать карты.

А потом уехал в Светлоград.

Пять лет назад.

Сначала письма приходили часто. Потом реже.

«Я жив».

«Учусь».

«Сдал экзамены».

«Меня перевели».

«Получил назначение».

В последних письмах было много долга, чести и Империи.

И почти ничего о доме.

— Ты не рада? — спросил Данила.

— Рада.

Она помедлила.

— Просто не знаю, кого именно мы встретим через месяц.

Отец понимающе усмехнулся.

— Империя меняет всех.

Он подошёл к окну.

— Даже тех, кто её ненавидит.

За стеклом темнело. Над зубцами стены уже появились первые звёзды. Где-то ниже тяжело заработал поршень, и по трубам прошла дрожь.

Данила долго смотрел наружу.

Слишком долго для человека, который просто любит вечером.

Кира заметила это.

— Что случилось?

Отец не обернулся.

— Завтра прибудет британский посол.

Кира перестала крутить кисть между пальцами.

— Сюда?

— Сюда.

— Зачем?

— Лорд Векс утверждает, что хочет обсудить торговые пути.

Кира посмотрела на спину отца.

— Ты ему веришь?

Данила тихо выдохнул.

— Я никому не верю.

Он повернулся.

Теперь усталости в его лице не было.

Так отец выглядел на плацу, когда приходили донесения с границы.

— Но отказать Британии мы сейчас не можем.

— Почему?

— Потому что для отказа тоже нужна сила.

Кира промолчала.

Данила подошёл ближе.

— Будь осторожна завтра.

— С послом?

— С британцами.

— Я работаю в архиве. Что он мне сделает — украдёт каталог?

Отец не улыбнулся.

Шутка умерла сама.

— Кира.

Она посмотрела на него.

Он не шутил.

— Хорошо.

— Британцы очень любят казаться теми, кем не являются.

— А мы?

На этот раз Данила всё-таки усмехнулся.

— А мы обычно даже не пытаемся.

Он наклонился и поцеловал её в лоб.

Как делал, когда ей было пять.

— Заканчивай и иди спать.

— Да, командир.

— Для тебя — отец.

— Это менее убедительное звание.

— Зато пожизненное.

Данила направился к двери.

У порога остановился.

Будто хотел ещё что-то сказать.

Кира ждала.

Он передумал.

— Спокойной ночи, доченька.

— Спокойной ночи.

Дверь закрылась.

Его шаги ещё некоторое время слышались в коридоре, потом растворились в привычном гуле крепости.

Кира снова осталась одна.

Она посмотрела на дверь.

Потом на свиток.

Разговор о британцах почему-то выбил её из рабочего

ритма. Кира перечитала последние строки, хотя необходимости в этом не было.

Кисть коснулась пергамента.

Она медленно закончила:

«...и тот, кто смотрит в Око Государево, увидит истину. Но истина не спасёт его. Ибо истина — это не ответ. Истина — это вопрос, на который нельзя ответить».

Кира поставила точку.

Посидела ещё несколько секунд.

Тишины в Остроге не существовало. Всегда что-нибудь стучало, шипело, скрипело, качало воду, гнало пар.

Сегодня привычный шум почему-то не успокаивал.

Она поднялась и подошла к окну.

Внизу менялся караул. Сонные солдаты передавали посты, перебрасывались ругательствами, проверяли затворы ворот.

У западной батареи Ремезов снова спорил с механиком. Кира не слышала слов через стекло, но по движениям рук было ясно: штабс-капитан недоволен чем-то настолько, насколько способен быть недоволен только человек, считающий все машины крепости своей личной собственностью.

Обычный вечер.

Кира положила ладонь на холодное стекло.

«Пустая».

Иногда достаточно было остаться одной, чтобы это слово возвращалось.

Без чужих голосов.

Уже её собственным.

Она смотрела на огни крепости.

На часовых.

На пар над стенами.

На дорогу, исчезавшую между горами.

На огромный мир за ней.

Мир, для которого у каждого человека будто заранее было
приготовлено место.

У воина.

У Плетущего.

У механика.

У чиновника.

У её отца.

У Родиона.

Только не у неё.

Кира закрыла глаза.

— Я не пустая.

Сказала тихо.

Почти неслышно.

Потом добавила:

— Я просто другая.

Так было лучше.

Не убедительнее.

Но лучше.

Она открыла глаза.

Над горами поднималась луна.

Красная.

Не яркая, не багровая — просто мутно-красная сквозь дым и пар, собравшиеся над крепостью.

Внизу новый караул занял позиции.

Один солдат зевнул.

Другой прикрикнул на него.

Кто-то рассмеялся.

Поэтому никто не обратил внимания на человека, остановившегося за пределами света факелов.

Он стоял у стены неподвижно, словно изучал крепость.

Башни.

Ворота.

Караульные посты.

Паровые батареи.

Окна.

Потом достал из кармана часы, взглянул на них и снова спрятал.

Рядом с часами лежал маленький латунный портсигар.

На крышке была выгравирована роза.

Человек ещё немного постоял у стены.

После чего развернулся и исчез в темноте.

Кира его не видела.

Она уже вернулась к столу и осторожно накрывала свежую копию свитка чистым листом, чтобы чернила высохли без пыли.

Она знала, что завтра в Острог прибудет лорд Векс.

Не знала только, что он уже здесь.

И что времени у Острога осталось меньше, чем думал даже её отец.

Глава 2. Гость

Утро выдалось серым.

Над Острогом висели низкие облака, и горы за стенами почти исчезли в тумане. Сырость пробралась даже в архив — дерево набухло, двери закрывались с усилием, бумага неприятно шуршала под пальцами.

Кира заметила это ещё до завтрака.

Хуже сырости для старых свитков был только огонь.

Она затянула волосы, надела тёмно-серое платье, кожаный жилет и машинально коснулась латунной пластинки на груди.

Медальон отца.

Простой кусок металла без надписей и узоров.

Никакой силы.

Никакой магии.

Почему-то с ним было спокойнее.

В главный зал архива Кира вошла, мысленно составляя список свитков, которые придётся убрать подальше от западной стены.

И остановилась.

Возле входа стояли четверо.

Трое мужчин в красных мундирах.

И ещё один — в тёмном фраке.

Британцы.

Солдат Кира узнала по форме. Высокие воротники, золотые пуговицы, белые ремни — всё выглядело слишком новым и слишком чистым для Острога.

Мужчина рядом с ними отличался даже на их фоне.

Высокий.

Худой.

Светлые волосы аккуратно зачёсаны назад. Узкие усы. Серые перчатки. Трость с серебристым набалдашником.

На его сапогах почти не было грязи.

Кира посмотрела на пол.

От двери до места, где он стоял, тянулись четыре пары мокрых следов.

Его — самые слабые.

Либо чистил обувь прямо перед входом, либо очень хорошо умел выбирать, куда наступать.

Мужчина заметил её.

— А, вот и наша юная архивариус.

Он снял цилиндр.

— Лорд Векс. Британская Конфедерация.

Поклонился ровно настолько, насколько требовали приличия.

— Вы, должно быть, Кира Даниловна Волкова.

Она задержалась на последней ступеньке.

— Должно быть?

Векс улыбнулся.

Не неприятно.

Просто вежливо.

— Дочь коменданта. Работает в архиве. Девятнадцать лет.

Обычно появляется раньше остальных.

Кира медленно спустилась.

— Для человека, который только приехал, вы неплохо подготовились.

— Это моя работа.

— Я думала, ваша работа — дипломатия.

— Дипломатия особенно требует подготовки.

Ответ прозвучал совершенно естественно.

Настолько естественно, что придаться было не к чему.

Кира не любила ответы, к которым нельзя придаться.

— Вы прибыли ночью? — спросила она.

— Ближе к рассвету.

Это не совпадало со словами отца.

Данила говорил, что посол прибудет сегодня.

Но дорога могла оказаться быстрее.

Или отец просто не знал точного времени.

— Ваш отец позволил нам обойтись без официальной встречи, — продолжил Векс. — За что я ему чрезвычайно благодарен. Долгие церемонии после нескольких дней в седле способны убедить человека отказаться от международных отношений вообще.

Один из британских солдат едва заметно улыбнулся.

Кира посмотрела на него.

Молодой.

Не больше двадцати пяти.

Под левым глазом свежая царапина.

Ничего необычного.

Она снова перевела взгляд на Векса.

— А в архиве вы что потеряли?

— Пока ничего.

— Тогда вам повезло. Здесь обычно находят только пыль.

— И старые тайны.

Кира замерла.

Всего на мгновение.

Векс словно не заметил.

Он прошёл вдоль ближайшего стеллажа, не прикасаясь к книгам.

— Ваш отец сказал, что вы занимаетесь древними рукописями.

— Среди прочего.

— Довольно необычная работа для молодой женщины.

— Для женщины или для молодой?

Векс задумался.

— Справедливое замечание.

Кира скрестила руки.

От него пахло дорогим табаком, одеколоном и чем-то металлическим.

Она сначала решила, что дело в трости.

Но запах был другим.

Латунь.

Совсем слабый. Такой чувствуется, если долго держать в ладони монеты или детали механизма.

— Особенно мне интересны ваши старые религиозные тексты, — сказал Векс.

Теперь Кира посмотрела на него внимательнее.

— Британская торговая миссия интересуется мёртвыми богами?

— Британская торговая миссия интересуется всем, чем интересуются люди страны, с которой она собирается торговать.

— Удобно.

— Чрезвычайно.

Несколько секунд они молчали.

Векс первым отвёл взгляд.

— Ваш отец говорил, что вы переписываете древние свитки.

Кира не ответила.

Он посмотрел на неё.

— Я ошибся?

— Нет.

— Тогда почему вы так на меня смотрите?

— Пытаюсь понять, сколько ещё отец успел вам обо мне рассказать.

Векс усмехнулся.

— Боюсь, совсем немного.

— Но достаточно, чтобы знать имя, возраст, работу и рас-
порядок.

Улыбка осталась.

Однако теперь Векс смотрел на неё немного иначе.

Не оцениваяюще.

Скорее заинтересованно.

— Вы очень внимательны, Кира Даниловна.

— Я писец.

— Просто писец?

— Просто писец.

Векс слегка наклонил голову.

— Забавно.

Вот теперь ей действительно не понравилось.

Не слово.

То, как он его произнёс.

Будто знал шутку, которую ей забыли рассказать.

Но спросить Кира не успела.

Векс достал часы. Когда убирал их, из кармана на мгнове-
ние показалась латунная крышка с выгравированной розой.

— Я злоупотребляю вашим временем.

— Пока только архивным воздухом.

Молодой солдат снова спрятал улыбку.

Векс, наоборот, рассмеялся.

Тихо и вполне искренне.

— Надеюсь, мы ещё поговорим.

— Я обычно здесь.

— Я знаю.

Он сказал это спокойно.

Надел цилиндр и пошёл к выходу.

Трое солдат последовали за ним.

Кира смотрела им вслед.

У самой двери Векс остановился.

На мгновение.

Его взгляд скользнул по дальнему ряду стеллажей.

Туда, где хранились религиозные свитки.

Потом он вышел.

Кира осталась одна.

Она подошла к двери и посмотрела на мокрые следы.

Четыре пары.

Ничего необычного.

Она вернулась к столу.

Открыла каталог.

Нашла вчерашнюю запись.

«Свиток об Оке Государевом».

Несколько секунд смотрела на строку.

Потом закрыла книгу.

Векс ни разу не произнёс название Ока.

И всё же Кире захотелось проверить, на месте ли свиток.

Он был на месте.

Кира убедилась дважды.

Только после этого вернулась к работе.

* * *

К полудню она успела переписать три страницы и испортить две.

Для неё это было почти достижением.

Обычно она не портила ни одной.

Кира отложила кисть.

Злило не то, что Векс её напугал.

Он не напугал.

По крайней мере, она отказывалась использовать именно это слово.

Он её раздражал.

Потому что всё в нём имело нормальное объяснение.

Знал имя?

Посол подготовился.

Знал работу?

Данила рассказал.

Интересовался свитками?

Дипломат.

Посмотрел в сторону религиозного фонда?

Обычное любопытство.

Даже запах латуни мог идти от какой-нибудь вещи в кармане.

Кира провела пальцем по краю каталога.

Каждая отдельная деталь ничего не значила.

Все вместе ей не нравились.

А хуже всего было то, что она не могла объяснить почему.

Ближе к вечеру Кира закрыла чернильницу и пошла к отцу.

* * *

Кабинет коменданта выглядел так, будто кто-то попытался уместить всю границу Империи на одном столе.

Карты.

Донесения.

Военные ведомости.

Письма.

Две кружки — одна пустая, вторая давно остывшая.

Данила сидел над картой западных перевалов и делал пометки карандашом.

— Если пришла сказать, что опять пропустишь ужин, я уже подготовил речь.

— Я ела.

Отец поднял голову.

— Кто ты и что сделала с моей дочерью?

Кира закрыла дверь.

Улыбка исчезла с его лица.

— Что случилось?

Она села напротив.

— Я познакомилась с Вексом.

Данила положил карандаш.

— Сам подошёл?

— Был в архиве.

Брови отца едва заметно сдвинулись.

Кира это заметила.

— Ты знал?

— Что он туда пойдёт? Нет.

— Говорит, ты рассказал ему обо мне.

— Сказал, что моя дочь работает в архиве.

— Имя?

— Разумеется.

— Возраст?

Данила помолчал.

— Нет.

— Когда я прихожу на работу?

Теперь он нахмурился уже открыто.

— Нет.

Кира откинулась на спинку стула.

Вот.

Наконец хоть одна деталь, для которой не было удобного объяснения.

— Что ещё? — спросил отец.

— Он интересовался старыми религиозными текстами.

— Какими именно?

— Не уточнил.

— Об Оке говорил?

— Нет.

Данила поднялся.

Подошёл к двери.

Открыл её и выглянул в коридор.

Потом закрыл снова.

Кира наблюдала молча.

— Это уже начинает мне нравиться меньше, — сказала она.

— А раньше нравилось?

— Раньше хотя бы можно было считать меня подозрительной.

Данила вернулся к столу.

— Ты не первая.

— Кто ещё?

— Хал.

— Унтер-офицер?

— Он принимал британцев у ворот.

Кира вспомнила Хала.

Коренастый мужчина с вечно помятым мундиром и шрамом на подбородке. Служил с отцом столько, сколько она себя помнила.

— И что сказал Хал?

Данила поморщился.

— Что от Векса пахнет ложью.

Кира подняла бровь.

— Красноречиво.

— Для Хала — почти стихотворение.

Она невольно улыбнулась.

Но Данила оставался серьёзным.

— Он пятнадцать лет служит у меня. Трижды замечал за-

саду раньше разведчиков. Один раз отказался вести отряд через деревню, потому что ему «не понравились куры».

— Куры?

— Они были слишком тихими.

— И?

— В домах сидели люди с ружьями.

Кира помолчала.

— Хорошо. Будем доверять курам.

Данила опёрся ладонями о стол.

— Официально Векс приехал обсуждать торговые пути.

— Ты ему не веришь.

— Для торговых путей присылают купцов, инженеров, чиновников. Иногда всех троих одновременно, чтобы они мешали друг другу работать.

— А послов?

— Послов присылают, когда разговор не только о торговле.

Кира посмотрела на карту.

На западную границу.

Красная карандашная линия проходила почти у самого Острога.

— Тогда зачем он здесь?

— Пока не знаю.

Данила сказал это спокойно.

Кира слишком хорошо знала отца, чтобы не услышать за спокойствием тревогу.

— Я выясню.

Он обошёл стол.

— А ты до тех пор держись от Векса подальше.

— Он сам приходит ко мне на работу.

— Тогда не оставайся с ним одна. Не рассказывай, над чем работаешь. Если начнёт задавать вопросы — уходи.

— А если спросит, почему я ухожу?

— Скажи, что отец приказал.

— Очень дипломатично.

— Я солдат.

— Это заметно.

Данила взял её за плечи.

Теперь уже без шуток.

— Кира.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я серьёзно.

— Я поняла.

— Обещай.

Вот это она не любила.

Обещания превращали разумные просьбы в обязатель-
ства.

Но взгляд у отца был такой, что спорить расхотелось.

— Обещаю.

Данила отпустил её.

В дверь постучали.

— Комендант!

Отец сразу подобрался.

— Что?

— Лорд Векс просит аудиенции.

Кира и Данила переглянулись.

— Через минуту, — ответил он.

Шаги за дверью удалились.

— Вот и возможность выяснить, — сказала Кира.

— А вот и возможность тебе уйти.

— Можно я хотя бы послушаю из коридора?

— Нет.

— Из соседней комнаты?

— Кира.

— Уже ухожу.

Она поднялась.

У кабинета было две двери. Кира вышла через заднюю, ведущую в служебный коридор.

Почти сразу услышала, как открылась главная.

— Лорд Векс.

Голос отца стал официальным.

— Комендант Волков. Благодарю, что приняли.

Кира замедлила шаг.

Всего на секунду.

Потом вспомнила обещание.

И пошла дальше.

У лестницы ей навстречу поднялся штабс-капитан Ремезов.

Обычно безупречно застёгнутый мундир сегодня сидел на нём криво, будто офицер одевался на ходу.

— Кира Даниловна.

— Игнатий Андреевич.

Он торопливо кивнул и прошёл мимо.

От него пахло машинным маслом.

Ничего необычного для начальника западного бастиона.

Только почему-то перчатки он держал в руке.

И ногти были совершенно чистыми.

Кира проводила его взглядом.

Потом пожала плечами.

В Острого хватало вещей важнее чужих ногтей.

* * *

Ночью ветер усилился.

Кира долго не могла уснуть.

Не из-за Векса.

Так она сказала себе первый раз.

Потом второй.

После третьего перестала спорить сама с собой.

Она лежала и перебирала в голове разговор в архиве.

Имя.

Возраст.

Распорядок.

Религиозные тексты.

«Просто писец. Забавно».

Каждый раз приходила к одному и тому же:

недостаточно.

Ни одной настоящей улики.

Только набор деталей, который ей не нравился.

Кира перевернулась на другой бок.

Закрыла глаза.

Открыла.

Встала.

Если уж не спать, можно было хотя бы закрыть окно. Ветер весь вечер дёргал раму, и от сырости снова поведёт дерево.

Кира подошла к стеклу.

Потянулась к задвижке.

И остановилась.

Внизу, возле внутренних ворот, стоял человек.

Не прямо под её окном.

Дальше.

У стены, где проходила паровая магистраль к западному бастиону.

Он держал что-то в руке.

Кира прищурилась.

Трость.

Векс.

Он не смотрел на архив.

Он смотрел на трубы.

Точнее, на соединение магистрали с распределительным узлом.

Кира знала это место.

Оттуда пар расходился на механизмы западной стены.

Днём доступ туда имели механики Ремезова и несколько старших офицеров.

Векс наклонился.

Будто изучал металлическую табличку на корпусе клапана.

Кира придвинулась ближе к стеклу.

На улице было темно. Она могла ошибаться.

Посол мог просто идти через двор.

Мог остановиться.

Мог смотреть куда угодно.

Но дипломат, прибывший обсуждать торговлю, стоял посреди ночи возле военной паровой магистрали.

Это уже было хуже кур.

Векс выпрямился.

Повернул голову.

Кира замерла.

Он посмотрел прямо на её окно.

Даже с такого расстояния было понятно, что он её увидел.

Несколько секунд никто не двигался.

Потом Векс слегка поднял трость.

Не приветствие.

Скорее короткий знак:

вижу вас.

И пошёл прочь.

Не торопясь.

Не прячась.

Кира смотрела, пока он не исчез за казармой.

Потом закрыла окно.

На этот раз сон даже не пытался прийти.

Она подошла к столу и зажгла свечу.

Достала лист бумаги.

Записала:

«Векс. Западный распределительный узел. После полуночи».

Поколебалась.

Добавила:

«Смотрел на магистраль».

Кира всегда доверяла записанному больше, чем воспоминаниям.

Утром покажет отцу.

* * *

Она задремала только перед рассветом.

Разбудил стук.

Кира открыла глаза.

Прислушалась.

Тишина.

Она села.

Может, приснилось.

Потом заметила светлую полосу под дверью.

И тёмный предмет на полу.

Кира встала.

Подошла.

У порога лежал маленький латунный портсигар.

Она не прикоснулась к нему сразу.

Присела.

Осмотрела.

На крышке была выгравирована роза.

Та самая.

Кира уже видела её вчера — в руке Векса, когда он доставал часы.

Значит, он был здесь.

Или кто-то принёс вещь от его имени.

Кира взяла портсигар двумя пальцами.

Тяжёлый.

Холодный.

От него шёл тот самый металлический запах, который она почувствовала возле Векса.

Латунь.

Вот откуда.

Она открыла крышку.

Внутри не было сигарет.

Только сложенный листок.

Кира развернула его.

«Простите за беспокойство.

Я оставил это у вас, потому что больше некому.

Не говорите отцу.

В.»

Кира перечитала записку.

Потом ещё раз.

«Не говорите отцу».

Она почти усмехнулась.

Если Векс хотел добиться именно этого, следовало написать что-нибудь другое.

Кира сложила бумагу обратно.

Закрыла портсигар.

Первым желанием было немедленно идти к Даниле.

Вторым — сначала понять, что именно она собирается ему показать.

Почему портсигар?

Почему ей?

Что значит «больше некому»?

Она перевернула коробочку.

Обычная латунь.

Роза.

Кира провела ногтем по внутреннему краю.

Ничего.

Потрясла.

Внутри едва слышно что-то щёлкнуло.

Она замерла.

Потрясла ещё раз.

Щёлк.

Не записка.

Что-то находилось внутри самого корпуса.
Кира снова открыла крышку.
На первый взгляд дно было сплошным.
Но теперь она заметила тонкую линию вдоль внутренней
стенки.

Слишком ровную для царапины.
Фальшивое дно.
Или второй слой металла.
Она попыталась надавить ногтем.
Ничего.
Проверила петлю.
Провела пальцем по выгравированной розе.
Один из лепестков едва заметно пружинил.
Кира нажала.

Внутри снова щёлкнуло.
Но ничего не открылось.
Механизм.
Хорошо сделанный.
И явно не декоративный.
Теперь предмет стал действительно интересным.
И действительно опасным.
Разбирать его одной было глупо.
Кира положила портсигар в карман.
Не чтобы спрятать от отца.
Чтобы отнести ему.
Письмо Векса тоже забрала.

У двери остановилась.

Вернулась к столу и взяла ночную запись:

«Векс. Западный распределительный узел. После полуночи».

Сложила её вдвое.

Тоже убрала в карман.

Теперь — к отцу.

Потом в архив.

И только потом можно будет решить, что именно лорд Векс пытался с ней сделать.

Кира открыла дверь.

В коридоре было непривычно тихо.

Она не сразу поняла, чего не хватает.

Сделала несколько шагов.

Остановилась.

Обычно к этому часу крепость уже гудела.

Работали насосы.

Шипели клапаны.

В стенах дрожали паровые магистрали.

Сейчас она не слышала ничего.

Ни одного механизма.

Кира медленно повернула голову в сторону окна.

И впервые за всё утро забыла о портсигаре.

Глава 3. Предательство

Кира стояла посреди коридора и слушала.

Ничего.

Ни ударов насосов.

Ни тяжёлого ритма поршней.

Ни шипения клапанов в стенах.

Острог никогда не молчал.

Даже ночью крепость дышала паром.

Сейчас она не дышала вовсе.

Кира сунула руку в карман.

Пальцы коснулись портсигара Векса.

Потом сложенной записки:

«Векс. Западный распределительный узел. После полуночи».

Ночью он стоял у магистрали.

Теперь машины не работали.

Совпадение.

Слишком удобное.

Кира бросилась к ближайшему окну.

Во внутреннем дворе горели факелы.

Много.

Больше, чем полагалось утренней смене караула.

Люди двигались между зданиями, но не так, как обычно.

Не спешили к постам, не тащили уголь, не ругались возле мастерских.

Они занимали позиции.

Кира прижалась лбом к холодному стеклу.

Красные мундиры.

Британцы.

Десятки.

За внутренней стеной — ещё.

Она перевела взгляд на ворота.

Открыты.

Обе створки.

Ни повреждений.

Ни выбитого замка.

Ни следов штурма.

Просто открыты.

Кира почувствовала, как холод поднимается от живота к груди.

Чтобы остановить машины, нужно было добраться до распределительных узлов.

Чтобы открыть ворота, требовался караульный ключ.

Чтобы сделать и то и другое почти одновременно...

Кто-то помог им изнутри.

Мысль оказалась хуже страха.

— Отец.

Кира сорвалась с места.

* * *

Она бежала по коридорам, которые знала всю жизнь.

Сегодня они казались чужими.

Дверь оружейной распахнута.

На полу валяется перевёрнутый ящик.

Возле лестницы лежит караульный шлем.

Без хозяина.

На стене — тёмный мазок.

Кира не стала останавливаться, чтобы понять, кровь это или масло.

У поворота кто-то крикнул.

Раздался выстрел.

Потом ещё один.

Кира пригнулась и побежала быстрее.

У неё не было оружия.

Не было Искры.

Не было ни одного Узора, которым она могла бы защитить себя.

Только свёрнутый лист бумаги.

Портсигар Векса.

И ноги.

Сейчас этого должно было хватить.

Она вылетела на внутренний двор.

И остановилась.

Людей было больше, чем она увидела из окна.

С одной стороны — солдаты Острога.

Не строй.

Остаток строя.

Кто-то без шлема. Кто-то в одной рубаше под нагрудником. Несколько человек перевязывали раненого прямо у стены.

С другой — британцы.

Красные мундиры стояли ровными рядами.

Спокойные.

Подготовленные.

У ворот уже устанавливали оборудование.

Значит, они вошли не минуту назад.

Они были здесь давно.

Кира быстро оглядела знакомые лица.

Лейтенант Буров.

Старый Федька.

Прапорщик Малинин.

Двое механиков с западной батареи.

Ремезова не было.

Кира заметила это почти машинально.

Штабс-капитан должен был находиться здесь.

Его бастион.

Его машины.

Его люди.

Но думать об этом сейчас было некогда.

В самом центре двора стоял Данила Петрович.

В боевом мундире.

Тёмная ткань, латунные наплечники, тяжёлые сапоги.

Саблю он держал опущенной вдоль ноги.

Спина прямая.

Перед ним — Векс.

Без цилиндра.

Во вчерашнем тёмном фраке.

И с той самой тростью.

Кира инстинктивно коснулась кармана.

Портсигар всё ещё был у неё.

Векс оставил его несколько часов назад.

Значит, всё это время он уже знал, что произойдёт.

Возможно, знал ещё вчера утром.

— Я дал вам выбор, комендант, — сказал Векс.

Говорил он негромко.

И всё равно во дворе слышали все.

— Вы могли открыть ворота сами.

Данила посмотрел на британцев.

Потом на своих людей.

— Похоже, вам и без меня помогли.

Векс едва заметно улыбнулся.

— В любой крепости найдётся человек, который считает свою жизнь дороже присяги.

Кира сжала кулаки.

Вот оно.

Предатель действительно был.

Где-то здесь.

Или уже ушёл.

Данила поднял саблю.

— Назови имя.

— Зачем?

— Хочу знать, кого проклясть перед смертью.

— Вы оптимист.

— Я реалист.

Векс посмотрел на него почти с сожалением.

— Ваши паровые батареи отключены. Западная стена наша. Северная башня наша. Внешние ворота открыты. Подкрепление не придёт.

Он сделал небольшую паузу.

— Сложите оружие.

Никто не пошевелился.

Данила усмехнулся.

— Ты плохо понимаешь русских солдат, британец.

— Я достаточно долго изучал русских солдат.

— По книгам?

— По могилам.

Несколько человек рядом с Данилой дёрнулись.

Он поднял свободную руку.

Остановил их.

— Чего ты хочешь, Векс?

Впервые улыбка исчезла с лица посла.

— Не того, что принадлежит вам.

— Тогда зря пришёл.

Векс вздохнул.

— Вы действительно собираетесь убить своих людей ради стены?

Данила посмотрел вокруг.

На разбитый караул.

На раненых.

На красные мундиры.

На открытые ворота.

— Нет.

Он перехватил саблю удобнее.

— Я собираюсь дать им время.

Кира поняла первой.

— Нет...

Данила рванулся вперёд.

— Отец!

Во дворе всё произошло одновременно.

Русские солдаты бросились на британцев.

Кто-то выстрелил.

Вспыхнул дух-пар.

Воздух дрогнул.

Серебристая дуга рассекла дым.

Человек рядом с Кирой упал, даже не успев вскрикнуть.

Она отшатнулась к стене.

Мир распался на отдельные куски.

Красный мундир.

Сталь.

Пар.

Чья-то рука на камне.

Крик.

Выстрел.

Огонь из разбитой трубы.

Данила шёл прямо к Вексу.

Теперь Кира поняла, почему отец был комендантом

Острога.

Она видела его на тренировках.

Но никогда — таким.

Данила двигался быстрее, чем можно было ожидать от человека его роста.

Сабля ударила снизу.

Британец попытался поставить блок — клинок вылетел у него из руки.

Второй атаковал сбоку.

Данила повернулся.

Латунные линии на его наруче вспыхнули серебристым светом.

Воздух перед ним сжался.

Британца отбросило на несколько шагов.

Плетущий.

Кира столько лет прожила рядом с отцом, что почти забыла, что это означает.

Он не просто командовал солдатами.

Он был одним из них.

И сейчас прокладывал себе дорогу к Вексу.

Тот не отступал.

Только наблюдал.

Будто именно этого и ждал.

Данила оказался в трёх шагах.

Двух.

Одном.

Сабля пошла к горлу британца.
Векс отступил ровно на полшага.
Трость оказалась у него в левой руке.
Щелчок.
Кира услышала его даже сквозь бой.
Из дерева выскользнул узкий клинок.
Данила успел изменить движение.
Его сабля ударила по стали.
Звон.
Векс впервые потерял равновесие.
Отец толкнул его плечом.
Британец отступил ещё на шаг.
Кира почти закричала от облегчения.
Данила атаковал снова.
И тогда человек в красном мундире сбоку выстрелил.
Не в грудь.
В ногу.
Данила пошатнулся.
Всего на мгновение.
Этого хватило.
Векс шагнул внутрь его защиты.
Тонкий клинок вошёл под рёбра.
Данила замер.
Кира перестала слышать бой.
Она видела только лицо отца.
Удивление.

Не страх.

Скорее раздражение человека, которому помешали закончить работу.

Векс наклонился к нему.

Что-то сказал.

Кира не услышала.

Потом выдернул клинок.

Данила опустился на одно колено.

Сабля выпала из руки.

— ОТЕЦ!

Он повернул голову.

Нашёл её взглядом.

И это было хуже всего.

Потому что в этот момент он понял, что она здесь.

— Кира...

Она бросилась к нему.

Кто-то попытался схватить её.

Кира ударила локтем, вырвалась, проскользнула между двумя дерущимися солдатами.

Упала рядом с отцом на колени.

— Нет. Нет-нет-нет.

Кровь быстро пропитывала его мундир.

Слишком быстро.

Кира прижала ладони к ране.

Она знала теорию.

Давление.

Перевязка.

Остановить кровь.

Так было написано в медицинских руководствах.

Но ни одна книга не объясняла, что делать, когда кровь течёт между пальцами твоего отца.

— Держись.

Данила попытался вдохнуть.

Не получилось.

— Я сейчас... Хал... лекаря...

Он схватил её за запястье.

Силы в пальцах почти не осталось.

— Кира.

— Не говори.

— Слушай.

— Я сказала, не говори!

Он посмотрел на неё.

Тем самым взглядом, которым в детстве останавливал истерику одним словом.

Кира замолчала.

— Ты уйдёшь отсюда.

Она качнула головой.

— Вместе.

— Нет.

— Вместе.

— Доченька.

Одно слово.

И она поняла.

По-настоящему.

Не как информацию.

Не как вероятность.

Он умирал.

— Нет.

Губы задрожали сами.

Кира ненавидела их за это.

— Нет, пожалуйста.

Данила поднял руку.

Коснулся латунной пластинки у неё на груди.

— Медальон...

— Он у меня.

— Был мамин.

Кира застыла.

Отец никогда этого не говорил.

Данила с трудом вдохнул.

— Теперь твой.

— Почему ты не...

— Потом.

Он едва заметно улыбнулся.

— Если будет потом.

— Будет.

Кира сказала слишком быстро.

— Будет. Ты сам мне расскажешь.

Данила уже не спорил.

— Не мсти.

Она смотрела на него.

— Что?

— Не отдавай им... ещё и себя.

Кира сглотнула.

В горле будто застрял камень.

— Живи.

— Отец...

— Назло им.

Уголок его рта дрогнул.

— Ты это умеешь.

Кира всхлипнула.

Первый раз за много лет.

Данила посмотрел на неё так, будто хотел запомнить её лицо.

— Ты не пустая.

Она закрыла глаза.

— Не надо.

— Никогда не была.

Его пальцы соскользнули с медальона.

Упали на камень.

Кира ждала.

Секунду.

Другую.

— Отец?

Он не ответил.

— Отец.

Она коснулась его щеки.

Тёплая.

Ещё тёплая.

— Вставай.

Глупое слово.

Совершенно бесполезное.

— Пожалуйста.

Вокруг продолжали убивать людей.

А Кира сидела рядом с отцом и впервые в жизни не знала, что делать.

* * *

Кто-то рванул её назад.

Кира вскрикнула и ударила наугад.

— Барышня!

Хал.

Она узнала голос.

Не лицо.

Лицо было залито кровью — чужой или его собственной, непонятно. Мундир разорван на плече, меч в руке красный до гарды.

— Отпустите!

— Надо уходить!

— Отец...

Хал посмотрел за её спину.

Лицо изменилось.

Всего на секунду.

— Знаю.

— Он...

— Я знаю.

Он потянул её.

Кира упёрлась.

— Я не оставляю его.

— Его уже нет.

Она ударила Хала по руке.

— Замолчи!

Он даже не поморщился.

— Ваш отец приказал вывести вас из крепости, если всё пойдёт плохо.

Кира застыла.

— Когда?

— Вчера.

Вчера.

Значит, Данила ожидал этого.

Хотя бы допускал.

И ничего ей не сказал.

За спиной Хала появился британский солдат.

Кира увидела раньше.

— Хал!

Он обернулся.

Удар пришёл сверху.

Хал отбил его мечом, но противник ударил ногой в ране-

ный бок.

Хал рухнул на колено.

Кира отступила.

Солдат снова занёс клинок.

На этот раз она не думала.

Подхватила с земли первое, что попало.

Камень.

Холодный.

Острый край впился в ладонь.

Кира сжала сильнее и ударила британца в висок.

Не сильно.

Но неожиданно.

Он пошатнулся.

Хал закончил остальное.

Одним движением.

Кира разжала пальцы.

Камень упал на землю.

На ладони осталась тонкая красная царапина.

Рядом — чужая кровь.

— Барышня.

Хал тяжело поднялся.

— Сейчас.

Кира посмотрела на отца.

Его уже почти не было видно за ногами дерущихся.

Она хотела вернуться.

Каждая часть тела требовала вернуться.

Сесть рядом.

Остаться.

Но последние слова отца звучали громче.

Живи.

Кира развернулась.

— В архив.

Хал моргнул.

— Что?

— Есть выход.

— Где?

— Идём!

Теперь уже она побежала первой.

* * *

До архива они добрались через боковую галерею.

Хал едва успевал.

Он хромал.

Из-под ладони, прижатой к боку, текла кровь.

Кира заметила.

Ничего не сказала.

Сейчас остановиться означало умереть обоим.

В главном зале архива никого не было.

Один стеллаж опрокинут.

На полу валялись книги.

Кира увидела знакомый переплёт и на секунду замедлилась.

Свиток об Оке Государевом.

Нет.

Не сейчас.

Она повела Хала между дальними шкафами.

— Здесь стена.

— Знаю.

Кира опустилась на колени.

Провела рукой под нижней полкой.

Нашла металлическое кольцо.

Потянула.

Ничего.

Ещё раз.

Механизм за стеной щёлкнул.

Кусок деревянной панели отъехал в сторону.

Хал посмотрел на неё.

— Комендант показывал?

— Один раз.

Кире было двенадцать.

Отец привёл её сюда после вечернего обхода.

Тогда тайный ход показался ей приключением.

Она ещё спросила, зачем крепости секретная дверь, если стены Острога никто никогда не возьмёт.

Данила ответил:

«Если крепость когда-нибудь падёт — не ищи меня. Иди сюда».

Кира рассмеялась.

Сказала, что Острог не падёт.

Отец не стал спорить.

Только посмотрел на неё.

Долго.

Тогда она решила, что он просто опять ведёт себя как слишком серьёзный взрослый.

Сейчас Кира впервые подумала:

может быть, он уже тогда знал, что никакие стены не стоят вечно.

Из главного зала донеслись голоса.

Близко.

Английская речь.

— Внутрь, — сказал Хал.

Они протиснулись в проход.

Кира потянула кольцо с внутренней стороны.

Панель поползла обратно.

В зал вбежал британский солдат.

Увидел движение стены.

— Здесь!

Панель закрылась.

Снаружи кто-то ударил по дереву.

Раз.

Второй.

Послышался треск опрокинутого стеллажа.

— Ищите механизм!

Голос оказался приглушённым, но слова Кира разобрала.

Хал тяжело дышал рядом.

— Они найдут.

С той стороны заскрежетал металл.

Кто-то уже шарил по креплениям.

Потом раздался щелчок.

Тот самый.

Механизм.

— Нашли, — сказал Хал.

— Тогда пошли.

* * *

Подземный ход был узким.

Каменные стены мокрые.

Потолок такой низкий, что Халу приходилось пригибаться.

Кира шла первой.

Руку держала на стене.

Позади раздался глухой удар.

Потом ещё один.

Металл заскрежетал.

Панель открывали.

Кира ускорилаь.

Шаги отдавались от камня так громко, будто за ними бежало вдвое больше людей.

Сзади слышался крик.

Потом другой.

На этот раз уже внутри прохода.

Они вошли в тоннель.

— Быстрее, — сказал Хал.

— Я и так...

Он споткнулся.

Ударился плечом о стену.

Кира подхватила его.

Хал был тяжелее раза в два.

— Отпустите.

— Нет.

— Барышня...

— Если ещё раз назовёшь меня барышней, оставлю здесь.

— Понял... Кира Даниловна.

— Ещё хуже.

Несмотря ни на что, Хал хрипло рассмеялся.

Всего один раз.

Потом снова закашлялся.

За спиной уже различались шаги.

Не эхо.

Настоящие.

Кира слышала, как кто-то поскользнулся на мокром камне и выругался по-английски.

Они были совсем близко.

Впереди появился слабый серый свет.

Выход.

— Там!

Кира почти потащила Хала.

Последние метры.

Каменная дверь.

Заржавевший засов.

Она толкнула.

Ничего.

— Помогай.

Хал навалился рядом.

Раз.

Два.

Сзади мелькнул свет факела.

— Вижу их!

На третий толчок засов сорвался.

Дверь открылась.

Холодный воздух ударил Кире в лицо.

Они вывалились наружу.

Хал обернулся и всем весом захлопнул каменную створку.

Почти сразу с другой стороны в неё что-то ударило.

— Это их ненадолго задержит, — сказал он.

Издавека слышался лай.

Сначала один.

Потом второй.

Хал выругался.

— Собаки.

— У нас в гарнизоне нет собак.

— Теперь есть.

Они спустились ниже по склону.

* * *

За западной стеной начинался лес.
Выше возвышался Острог.
Кира обернулась.
Крепость горела.
Огонь уже вырывался из казарм.
Чёрный дым поднимался над башнями.
Где-то взорвался котёл.
Стена дрогнула.
Кира стояла и смотрела.
Архив.
Комната.
Стол отца.
Двор.
Места, которые существовали всегда.
Теперь они исчезали одно за другим.
— Надо идти, — сказал Хал.
Кира не ответила.
В кармане давил на бедро портсигар Векса.
Она сунула руку внутрь.
Сжала его.
Хотела выбросить.
Швырнуть вниз со склона.
Пусть исчезнет вместе с Острогом.
Палец случайно лёг на лепесток выгравированной розы.
Щёлк.
Тот самый скрытый механизм.

Кира замерла.

Векс передал ей эту вещь за несколько часов до нападения.

Передал тайком.

Просил не говорить отцу.

И спрятал что-то внутри.

Зачем?

Она разжала пальцы.

Нет.

Портсигар останется.

Не как память о Вексе.

Как вопрос.

А Кира всегда плохо умела оставлять вопросы без ответа.

Другой рукой она взялась за медальон.

Материнский.

Отец носил его все эти годы.

И только перед смертью сказал правду.

— Я буду жить, — сказала Кира.

Голос прозвучал хрипло.

Хал ничего не ответил.

— Слышишь меня?

Она смотрела не на него.

На горящую крепость.

— Я буду жить.

Данила просил не мстить.

Она помнила.

«Не отдавай им ещё и себя».

Кира не знала, сможет ли выполнить эту часть обещания.

Сейчас она хотела, чтобы Векс однажды посмотрел ей в глаза и понял, что сделал.

Хотела узнать имя человека, который открыл ворота.

Хотела понять, зачем погиб Острог.

Но отец не просил её простить.

Только жить.

Пока этого было достаточно.

Кира повернулась к лесу.

— Идём.

* * *

Они не успели пройти далеко.

Через полчаса Хал начал отставать.

Ещё через несколько минут остановился.

— Что?

— Ничего.

— Ты весь в крови.

— Не весь.

— Очень успокаивает.

Хал попытался сделать следующий шаг.

Не смог.

Кира подошла.

— Покажи.

— Потом.

— Сейчас.

— Они идут за нами.

Как будто в подтверждение где-то на склоне снова залаяли собаки.

Ближе.

Хал выругался.

— Бежим.

— Ты не можешь.

— Тогда вы бежите.

Кира посмотрела на него.

— Нет.

— Кира Даниловна.

— Нет.

— Ваш отец приказал...

— Мой отец мёртв.

Слова вылетели слишком резко.

Хал замолчал.

Кира почувствовала, как внутри что-то оборвалось снова.

Но забрать слова назад было невозможно.

— Поэтому теперь решаю я.

Хал смотрел на неё долго.

Потом кивнул.

— Тогда к ручью. Там камни. Вода собьёт след.

— Далеко?

— Если повезёт — нет.

— А если нет?

— Тогда станет неважно.

Кира посмотрела на него.

— Иногда ты умеешь поддержать.

— Стараюсь.

Они пошли.

* * *

До ручья добрались почти через час.

Собак больше не было слышно.

То ли они ушли в сторону, то ли вода действительно сбила след.

Хал первым опустился на камень.

Не сел.

Именно опустился, будто ноги наконец отказались выполнять приказ.

Кира присела у воды.

Она была ледяной.

Кира начала отмывать руки.

Красное уходило тяжело.

Забивалось под ногти.

Застревало в складках кожи.

Она тёрла сильнее.

Ещё.

Ещё.

Пока Хал не сказал:

— Кожа сойдёт раньше крови.

Кира остановилась.

Посмотрела на руки.

На тонкую царапину от камня.

На кровь британского солдата.

На кровь отца, которую она уже не могла отличить от остальной.

Вспомнила ладонь на его ране.

Закрыла глаза.

Нет.

Не сейчас.

Если начать — она не остановится.

Кира вытерла руки о мокрую юбку и повернулась.

Хал сидел у дерева.

Очень бледный.

— Сколько ран?

— Не считал.

— Теперь посчитаем.

— Я думал, вы писец.

— Сегодня повышение.

Он попытался улыбнуться.

Не получилось.

Кира опустилась рядом.

— Почему ты вернулся за мной?

Хал посмотрел так, будто вопрос был странным.

— Я дал слово вашему отцу.

— Теперь его нет.

— Слово осталось.

Кира отвернулась.

Этого оказалось почти достаточно, чтобы снова заплакать.
Почти.

— Куда бы вы ни пошли, — продолжил Хал, — я с вами.

— Даже если я сама не знаю куда?

— Особенно тогда.

Они помолчали.

За деревьями едва виднелось зарево Острога.

— Что теперь? — спросила Кира.

Хал посмотрел на воду.

— Сначала уйдём подальше.

— Потом?

— Потом решим.

— Очень подробный план.

— Другого нет.

Кира сунула руку в карман.

Там лежали две вещи Векса.

Записка.

И портсигар с тайником, который она пока не умела открыть.

На груди лежал медальон матери.

Позади горел Острог.

А впереди не было ничего.

Ни дома.

Ни плана.

Ни человека, который мог бы сказать ей, что делать дальше.

Кира посмотрела на свои руки.

Возле ногтя большого пальца ещё оставались следы вчерашних чернил.

Рядом засохла кровь.

Два мира на одной коже.

Вчера она была писцом.

Сегодня — беглянкой.

Она не знала, кем станет завтра.

Но кое-что у неё всё ещё было.

Память.

Карты.

Она закрыла глаза.

Западные горы возникли перед ней почти так же ясно, как страницы атласа.

Река ниже по склону.

Старый перевал.

Заброшенная дорога.

И далеко к северу — маленькая отметка, которую она когда-то видела на карте отца.

Развалины древнего храма.

Кира открыла глаза.

— На север.

Хал поднял голову.

— Что там?

— Старый храм.

— Насколько старый?

— На карте возле него стояла пометка «не использовать».

Хал некоторое время смотрел на неё.

— И мы туда идём?

— У тебя есть место лучше?

— Нет.

— Тогда идём туда.

Хал поднялся не с первой попытки.

Кира подставила плечо.

Они двинулись в лес.

Медленно.

Один шаг.

Потом ещё один.

Кира не оглядывалась.

Отец просил её жить.

Пока этого было достаточно.

Глава 4. Дикие земли

Дождь начался ещё до рассвета.

Сначала мелкий. Потом тяжёлый.

Через полчаса промокло всё.

Плащ Киры лип к спине. Юбка цеплялась за колени. В ботинках хлюпало.

Хуже всего были ноги.

Натёртая пятка отзывалась болью при каждом шаге.

Хал шёл впереди, опираясь на стволы.

Слишком медленно.

Иногда останавливался, будто выбирал дорогу.

Кира уже поняла: он ждал, когда перестанет темнеть в глазах.

— Хал.

— Иду.

— Дай руку.

— Не надо.

— Это не предложение.

Он посмотрел на неё.

Дождь стекал по шраму на подбородке. Кожа стала серой.

— Кира Даниловна...

— Руку.

На этот раз спорить он не стал.

Кира перекинула его руку через плечо.

И едва удержалась на ногах.

Хал был тяжёлым.

Не как в книгах, где раненого удобно поддерживают одной рукой.

Половина его веса легла на неё.

— Я же говорил.

— Молчи.

Они двинулись дальше.

Лес становился гуще.

Мокрая кора.

Мох.

Гнилые листья.

Холодная вода.

Иногда ветер приносил далёкий запах дыма.

Кира старалась не думать, откуда он.

Острог остался позади.

Под платьем холодил кожу медальон.

В кармане при каждом шаге бил по бедру портсигар Векса.

Одна вещь — от родителей.

Другая — от человека, убившего отца.

С медальоном всё было понятно.

С портсигаром — нет.

Именно поэтому она его не выбросила.

* * *

К полудню Хал упал на колени.

Не споткнулся.

Просто перестал держаться.

Кира поймала его за плечо.

— Всё.

— Они могут идти за нами.

— А ты можешь умереть.

— Тоже могут.

Она уставилась на него.

— Это была шутка?

— Плохая?

— Ужасная.

Он попытался встать.

Не смог.

Повязка на боку потемнела.

Кира почувствовала холод внутри.

— Снимай куртку.

На этот раз он даже не спорил.

Это напугало сильнее всего.

* * *

Под вывернутым корнем огромного дерева было чуть суше.

Кира сняла повязку.

Края раны опухли.

Кожа покраснела.

В архиве кровь была словом.

«Кровопотеря».

«Воспаление».

«Повреждение сосудов».

Настоящая кровь была тёплой, липкой и пахла железом.

Кира достала флягу.

— Это питьевая, — сказал Хал.

— Знаю.

— Потом может не быть.

— Если ты умрёшь, спорить будет некому.

Она промыла рану.

Хал не издал ни звука.

Только пальцы впились в землю.

Кира прижала чистую ткань.

Дождь бил по спине.

Руки начали неметь.

— У вас зубы стучат, — сказал Хал.

— От злости.

— Конечно.

Она затянула свежую повязку и накрыла его своим плащом.

— Наденьте обратно.

— Ещё слово — придушу.

— Понял.

Через несколько минут он потерял сознание.

* * *

Паника пришла сразу.

— Хал.

Ничего.

Кира приложила пальцы к его шее.

Пульс был.

Дыхание — тоже.

Этого пришлось считать достаточным.

Она села рядом.

Дождь.

Незнакомый лес.

Раненый человек.

Британцы где-то позади.

Никто не знает, где они.

Кира зажмурилась.

На секунду.

Потом открыла глаза.

— Думай.

Сказанное вслух превращалось в инструкцию.

Карта.

Север.

Горы.

Храм.

Она восстановила в памяти страницу старого атласа.

Хребет.

Два ручья.

Старый военный тракт.

Отметка разрушенного сооружения у перевала.

Кира посмотрела на воду между камнями.

Потом на склон.

Снова на карту в голове.

И поняла.

— Северо-восток.

Они ушли слишком далеко на запад.

Ещё несколько часов — и храм остался бы в стороне.

От этой мысли стало нехорошо.

Память всегда была единственной вещью, которой Кира доверяла без проверки.

Теперь пришлось проверить и её.

* * *

Хал очнулся после темноты.

— Воды.

Кира поднесла флягу.

— Медленно.

Два глотка.

Он попытался сесть.

— Надо идти.

— До утра — нет.

— Приказ?

— Да.

— Кто назначил?

— Я.

Хал подумал.

— Плохой начальник.

— Почему?

— Мокрый.

Кира едва заметно улыбнулась.

— Спи.

На этот раз он послушался.

* * *

Кира не спала.

Дождь слабел.

Хал дышал рядом.

Она считала вдохи, пока не сбилась.

Под платьем лежал медальон.

Кира достала его.

Мамин.

Отец носил его много лет.

Она попробовала представить мать.

Руки — легко.

Шаль.

Запах теста и трав.

Пение из кухни.

Лицо — хуже.

Как всегда.

Это не испугало.

Так было ещё до Острога.

До Векса.

До всего.

Кира убрала медальон.

Достала портсигар.

Нащупала пружинящий лепесток розы.

Нажала.

Щёлк.

Ничего.

Ещё раз.

Щёлк.

— Упрямый.

Хал не проснулся.

— Не ты.

Она убрала портсигар.

Сегодня загадок было достаточно.

* * *

К рассвету дождь прекратился.

Хал поднялся со второй попытки.

Кира снова подставила плечо.

— На северо-восток, — сказала она.

— Вчера было на север.

— Вчера я ошиблась.

Хал посмотрел.

Она ждала вопроса.

Он только кивнул.

— Исправили.

И пошёл.

* * *

Подъём начался к полудню.

Лес редел.

Между корнями всё чаще появлялись камни.

Сначала Кира не обращала внимания.

Потом остановилась.

Один плоский камень.

Второй.

Третий.

Слишком ровные края.

Слишком одинаковое расстояние.

Она присела и соскребла мох с ближайшего.

Под зеленью проступила старая вырубка.

— Дорога, — сказала Кира.

Хал посмотрел вниз.

— Здесь?

— Когда-то.

Кира проследила взглядом линию камней.

Она уходила вверх.

На северо-восток.

Туда же, куда вела карта.

Значит, к развалинам когда-то не просто ходили.

Туда вела дорога.

Кира поднялась.

— Теперь точно туда.

— Это успокаивает?

— Нет.

— Хорошо.

Они пошли по старой кладке.

К вечеру деревья закончились.

Впереди поднялись горы.

Голые.

Серые.

Холодные.

Где-то там находился храм.

Теперь уже не только по памяти.

Кира коснулась медальона.

— Дойдём.

Хал ничего не сказал.

Только переставил ногу.

Потом вторую.

Кира сделала то же самое.

Пока этого было достаточно.

Глава 5. Храм

До храма они добрались через два дня.

Последние километры Кира запомнила плохо.

Не потому, что забыла.

Потому что почти всё внимание уходило на следующий шаг.

Поставить ногу.

Проверить Хала.

Не поскользнуться.

Найти воду.

Сменить повязку.

Снова идти.

Дождь остался внизу, в лесу, но легче не стало.

На высоте ветер резал через мокрую одежду. Пальцы постоянно немели. Губы у Киры потрескались.

Хал больше не терял сознание.

Это было единственным хорошим признаком.

Плохих было больше.

Он почти не ел.

Говорил ещё меньше обычного.

Ночью его знобило.

Рана не кровоточила так сильно, но кожа вокруг оставалась горячей.

Кира старалась не думать, что будет, если храм окажется просто кучей камней.

На второй день ближе к вечеру они вышли на перевал.
И увидели его.

Храм стоял на отдельной скале над ущельем.
Часть крыши провалилась.

Одна стена исчезла почти полностью.

Колонны торчали из развалин, как обломанные кости.

Ни дыма.

Ни света.

Ни птиц.

Кира остановилась.

Хал тоже.

Несколько секунд они просто смотрели.

— Это он? — спросил Хал.

— По карте — да.

— Выглядит гостеприимно.

— Особенно крыша.

— Есть надежда, что упадёт уже после нас.

Кира посмотрела на него.

— Ты начинаешь слишком много разговаривать.

— Жар.

Она протянула руку и коснулась его лба.

Хал не соврал.

— Внутрь.

* * *

Тропа к храму шла вдоль края ущелья.

Справа — скала.

Слева — пустота.

Кира старалась не смотреть вниз.

Один раз Хал оступился.

Камень ушёл из-под сапога и полетел в пропасть.

Они не слышали, когда он ударился о дно.

Кира сильнее сжала его руку.

— Не падай.

— Постараюсь.

— Это приказ.

— Тогда точно.

У входа они остановились.

Двери не было.

Только высокий провал в тёмной стене.

Изнутри тянуло холодом.

Не горным.

Другим.

Застоявшимся.

Как из подвала, который не открывали много лет.

Хал достал кремень.

— Я первый.

— Ты еле стоишь.

— Поэтому если там кто-то есть, потеря будет меньше.

Кира посмотрела на него.

— Очень смешно.

— Не шутил.

Она забрала факел.

— Именно поэтому первая я.

И вошла.

* * *

Внутри пахло влажным камнем.

Пылью.

Старым деревом.

И чем-то металлическим.

Очень слабо.

Кира остановилась.

Латунь.

Рука сама потянулась к карману с портсигаром.

Она не достала его.

Совпадение.

Латунь была везде.

В Остроге.

В машинах.

В монетах.

В оружии.

Векс не мог быть связан со всем металлическим в мире.

Хотя последние два дня Кира была не уверена уже ни в чём.

Хал зажёг факел.

Оранжевый свет раздвинул темноту.

Не победил.

Просто отодвинул на несколько шагов.

Главный зал оказался больше, чем Кира ожидала.

Ряды колонн уходили в глубину.
Некоторые лежали разбитыми.
Пол был покрыт трещинами и кусками крыши.
По стенам шла резьба.
Не руны.
Не надписи.
Фигуры.
Люди.
Машины.
Какие-то существа.
Многое было стёрто временем.
Кира подошла ближе к одной сцене.
Несколько человеческих фигур стояли на коленях.
Над ними возвышалось нечто огромное.
Лицо было сбито.
Глаза вырублены.
Кира провела пальцами возле камня, не касаясь.
— Здесь кому-то очень не нравились глаза.
Хал поднял факел.
Теперь она увидела остальные изображения.
Везде одно и то же.
Лица сохранились.
Руки сохранились.
Оружие.
Одежда.
Но глаза уничтожены.

У людей.
У существ.
У изображённых статуй.
Не временем.
Намеренно.
— Барышня.
— Знаю.
— Я ничего не сказал.
— Поэтому и знаю.
Они пошли глубже.

* * *

Статую Кира увидела не сразу.
Сначала — ноги.
Огромные ступни на постаменте.
Потом тело.
Слишком вытянутое.
Слишком много рук.
Плечи, не похожие на человеческие.
Вытянутая голова.
Рога — или то, что когда-то приняли за рога.
Факел поднялся выше.
Кира остановилась.
Ростом статуя была примерно с три человека.
Может, больше.
Но размер пугал не сильнее всего.
Глаза.

Вернее, их отсутствие.

В стенах глаза были грубо сбиты.

Здесь — нет.

Здесь их вынули.

Аккуратно.

Две глубокие полости оставались почти идеально ровными по краям.

Кира подошла на шаг ближе.

Что-то было неправильно.

Не страшно.

Именно неправильно.

Будто она смотрела на текст, из которого кто-то вырезал два слова — и без них весь смысл становился другим.

— Кто это? — тихо спросил Хал.

Кира не ответила.

Обошла статую.

На постаменте сохранились фрагменты резьбы.

Она присела.

Провела пальцами по бороздам.

Письмо было ей неизвестно.

Но один знак повторялся.

Круг.

Черта.

Ещё круг.

Глаз?

Может быть.

Может быть, ей просто хотелось его увидеть.

Кира снова посмотрела вверх.

На пустые глазницы.

Перед глазами возник свиток.

«...и когда боги умерли, их глаза остались».

Сердце ударило быстрее.

— Кира Даниловна?

Она поняла, что Хал впервые назвал её по имени без шуток.

— Кажется...

Кире пришлось начать фразу заново.

— Кажется, это один из них.

— Кто?

— Бог.

Хал медленно перекрестился.

Кира не стала смеяться.

Хотя несколько дней назад, возможно, посмеялась бы.

Она смотрела на пустые глазницы.

Впервые древний свиток перестал быть текстом.

Перед ней стояло тело доказательства.

Каменное.

Мёртвое.

И без глаз.

* * *

Алтарь находился перед статуей.

Кира сначала решила, что он пуст.

Потом внутри трещины в потолке разошлись облака.
Слабый вечерний свет упал прямо в центр каменной плиты.

Что-то блеснуло.

Кира подошла.

Хал тихо выругался.

На алтаре лежал глаз.

Не человеческий.

Латунная сфера размером с кулак.

Стеклянный зрачок.

Вокруг него — тонкие механические пластины, сложенные в радужку.

Шестерёнки были настолько маленькими, что Кира не сразу различила отдельные зубцы.

На металле шла гравировка.

Не декоративная.

Письмо.

То же, что на постаменте.

В глубине стекла что-то едва заметно двигалось.

Не светилось.

Скорее отражало свет там, где отражения быть не должно.

Кира перестала дышать.

— Не трогайте.

Она слышала Хала.

Но смотрела только на предмет.

Девять лет.

С девяти лет она читала всё, что могла найти о мёртвых богах.

С шестнадцати — специально искала упоминания об Оках.

Вчера это были легенды.

Сегодня одно лежало перед ней.

— Кира.

Она протянула руку.

— Не надо.

Пальцы остановились в нескольких сантиметрах.

Кира впервые задумалась.

Отец умер меньше недели назад.

За ними охотятся.

Хал болен.

Она стоит в храме неизвестного мёртвого существа и собирается коснуться вещи, о которой старые тексты предупреждали прямым текстом.

Разумное решение было очевидно.

Уйти.

Кира смотрела на Око.

«Истина не спасёт его».

Она почти услышала голос отца:

«Зачем тебе это?»

И свой ответ:

«Я пытаюсь понять».

Кира коснулась металла.

Мир исчез.

* * *

Не было света.

Не было тьмы.

Эти слова требовали глаз.

А глаз у Киры больше не было.

Не было рук.

Ног.

Кожи.

Холода.

Боли.

Только мысль.

Её собственная.

Кира уцепилась за эту мысль.

«Я — Кира Волкова».

Ничего не ответило.

«Мне девятнадцать».

Тишина.

«Мой отец — Данила Петрович Волков».

Что-то изменилось.

Не звук.

Присутствие.

Кира почувствовала его так же, как ночью чувствуешь,
что в комнате есть другой человек.

— Ты пришла.

Голос не прозвучал.

Мысль появилась внутри неё уже готовой.

Без пола.

Без возраста.

Без эмоции.

— Кто ты?

— Свидетель.

— Чего?

— Всего, что видел.

Не «я видел всё».

Не похвальба.

Просто определение.

Кира попыталась представить говорящего.

Ничего.

— Ты Око Государево?

Пауза.

Не задумчивая.

Скорее промежуток между запросом и ответом.

— Это одно из имён.

У Киры участилось что-то, чего здесь не должно было быть — сердце, которого она не чувствовала.

— Ты видел богов?

— Да.

— Они существовали?

— Да.

— Они умерли?

— Да.

— Почему?

— Ты ещё не способна понять ответ.

Кира разозлилась.

Это помогло.

Злость была знакомой.

Человеческой.

— Тогда объясни так, чтобы я поняла.

— Для этого тебе придётся видеть.

— Покажи.

— Цена не определена тобой.

Кира вспомнила строку свитка.

— Какая цена?

— Память.

Одно слово.

Без угрозы.

Без удовольствия.

Как «дождь».

Как «камень».

Как «север».

— Чья?

— Твоя.

— Сколько?

— Зависит от глубины взгляда.

— Что именно я забуду?

— Я не выбираю.

Вот это было страшнее.

— Тогда кто выбирает?

— Никто.

Кира молчала.

Свидетель продолжил:

— Память является структурой. Взгляд требует места.

Новое занимает то, что было.

— Ты стираешь меня.

— Нет.

Никакого возражения в голосе.

Просто исправление ошибки.

— Ты стираешься.

Кира почувствовала холод, хотя тела не было.

— И в конце?

— Если будешь смотреть достаточно глубоко, структура, которую ты называешь собой, перестанет сохранять непрерывность.

Кира перевела на нормальный язык:

— Я забуду себя.

— Да.

— Имя?

— Возможно.

— Отца?

— Возможно.

— Мать?

— Возможно.

— Хала?

— Возможно.

Каждое слово одинаково спокойное.

Кира ненавидела это спокойствие.

— Тебе всё равно?

— Да.

Ответ пришёл мгновенно.

Кира замолчала.

Вот оно.

Не демон.

Демон хотя бы хотел бы ей зла.

Не бог.

Богу, возможно, требовалось поклонение.

Не наставник.

Свидетель не хотел от неё ничего.

Если Кира откажется — ему всё равно.

Если согласится — тоже.

— Почему я могу тебя взять?

— В тебе нет Искры.

— Я Пустая.

— Так называют это люди.

— А ты?

— Свободная ёмкость.

Кира почти рассмеялась.

Девятнадцать лет её называли Пустой как оскорбление.

Для этой вещи это оказалось всего лишь техническим параметром.

— Другие не могут?

— Могут.

— Но?

— Их структура сопротивляется моей.

— А моя нет.

— В меньшей степени.

— Поэтому я тебе нужна?

— Нет.

Ответ снова пришёл сразу.

Кира ощутила, как внутри что-то сжалось.

— Тогда зачем всё это?

— Ты коснулась меня.

— И?

— Я отвечаю.

Настолько просто.

Кира вдруг поняла самое неприятное.

Свидетель не выбирал её.

Не ждал.

Не заманивал.

Не считал особенной.

Она сама пришла.

Сама протянула руку.

И ответственность будет тоже её.

— Если я откажусь?

— Отпусти.

— И всё?

— Да.

— Ты не будешь меня преследовать?

— Нет.

— Не проклянёшь?

— Нет.

— Не убьёшь?

— Нет.

— Просто останешься здесь?

— Пока не изменятся обстоятельства.

Кира подумала об Остроге.

Об отце.

О Вексе.

О портсигаре.

О неизвестном предателе.

О мёртвом боге над алтарём.

О вопросе, который преследовал её половину жизни.

Почему боги умерли?

Она могла уйти.

Жить.

Если британцы позволят.

Если Хал выживет.

Если они доберутся до города.

Можно было снова стать писцом.

Переписывать чужие ответы.

Кира уже знала, что не уйдёт.

От этого стало противно.

Потому что решение оказалось принято раньше, чем она начала делать вид, будто выбирает.

— Что я получу?

— Зрение.

— Я и сейчас вижу.

— Поверхность.

— А с тобой?

— Структуру.

Пауза.

— Связи.

Ещё одна.

— Следствия.

Кира подумала о фразе Векса:

«Просто писец».

— Я смогу культивировать?

— Нет.

Вот этого она не ожидала.

— Почему?

— У тебя нет Искры.

— Тогда что я смогу?

— Смотреть.

— И всё?

— Смотреть достаточно.

Кира неожиданно поняла.

Для человека, который всю жизнь пытался понять мир, это было не «всё».

Это было почти всё.

— Хорошо.

— Это не соглашение.

— Что?

— Мне не требуется согласие.

— Но цена...

— Цена является следствием. Не платой.

Кира молчала.

Даже здесь она пыталась превратить происходящее в сделку.

Так было легче.

Если есть сделка, есть вторая сторона.

Условия.

Возможность обмануть.

Но Свидетель ничего не продавал.

Огонь не продаёт ожог.

Высота не продаёт падение.

Ты просто совершаешь действие.

А потом происходит следствие.

— Я поняла.

— Нет.

Кира разозлилась снова.

— Тогда когда пойму?

— После первой потери.

И мир вернулся.

* * *

Кира вдохнула так резко, что закашлялась.

Она стояла на коленях.

Ладонь всё ещё лежала на Оке.

Хал держал её за плечо.

— Кира!

Она посмотрела на него.

Хал.

Имя пришло сразу.

Шрам.

Пятнадцать лет рядом с отцом.

Куры.

Ручей.

Тоннель.

Всё на месте.

— Я здесь.

— Вы не отвечали.

— Сколько?

— Минута. Может, две.

Для Киры прошло гораздо дольше.

Она подняла Око.

Оно было тёплым.

Просто предмет.

Если не знать.

— Что это?

Хал смотрел настороженно.

Кира некоторое время молчала.

— Свидетель.

— Это имя?

— Думаю, должность.

— Он разговаривает?

— Да.

Хал перевёл взгляд на латунную сферу.

— Мне уже не нравится.

— Ему всё равно.

— Ещё хуже.

Кира хотела убрать Око.

И вдруг остановилась.

Что-то было не так.

Очень маленькое.

Она оглядела храм.

Статуя.

Алтарь.

Хал.

Факел.

Всё знакомо.

Что исчезло?

Кира закрыла глаза.

Острог.

Комната.

Кровать возле стены.

Стол.

Окно.

Занавеска.

Она открыла глаза.

Закрыла снова.

Занавеска.

Какого цвета?

Кира нахмурилась.

Серая?

Нет.

Синяя?

Не похоже.

Коричневая?

Она знала, что каждое утро видела её.

Сотни раз.

Знала, как ткань двигалась от ветра.

Помнила звук колец по карнизу.

Помнила, что однажды зацепилась за неё рукавом.

Цвета не было.

Не «не могла подобрать слово».

Там ничего не было.

Пустое место.

Кира открыла глаза.

— Что?

Хал заметил.

Она посмотрела на него.

— Ничего.

— Это ваше «ничего»?

— Хал.

Он замолчал.

Кира снова посмотрела на Око.

«После первой потери».

Вот о чём оно говорило.

Всего лишь цвет занавески.

Глупость.

Совершенно бесполезная деталь.

Но она была её.

А теперь — нет.

Кира завернула Око в ткань.

Очень тщательно.

Спрятала в сумку.

Пальцы дрожали.

Она спрятала и это.

— Уходим.

— Сейчас?

— Сейчас.

Кира поднялась.

Перед выходом ещё раз посмотрела на статую.

На две пустые глазницы.

Раньше ей казалось, что статуя смотрит на неё.

Теперь она понимала:

нет.

Не смотрит.

И никогда не смотрела.

Это почему-то было страшнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.